

Кучкасе хлева располагались рядом с домами, а потому многие дома выглядели неопрятно.

⁸ В Кучкасе была организована первая коммуна.

⁹ *Совик* — верхняя зимняя одежда, перенятая пинежанами у коми. *Ставят сено в совиках* означает, что нерадивые кучкаские коммунары заготавливали сено не летом, а ближе к зиме.

¹⁰ Подобные ситуации, зафиксированные в Белозерском крае, подробно описаны в книге С.Б. Адоньевой «Прагматика фольклора» (СПб., 2004).

¹¹ *Иванова А.А., Мороз А.Б., Слепцова И.С.* Указ. соч.

¹² *Бахтин В.С.* Один из неучтенных песенных жанров // *Русский фольклор*. Т. XVI. Л., 1976. С. 227—235.

¹³ *Карташева И.Ю., Кругляшова В.П.* Из истории русского фольклора (песни о прозвищах) // *Фольклор Урала. Фольклор и историческая действительность*. Вып. 5. Свердловск. 1980. С. 105—112.

¹⁴ *Дранникова Н.В.* Корильные песни о деревнях // *Комплексное собрание, систематика, экспериментальная текстология*. Архангельск, 2002. С. 68—76.

¹⁵ *Шелгач* — котомка.

¹⁶ *Чиковатый* — форсистый.

¹⁷ *Лузан* — короткая безрукавка, сшитая из кожи, одеваемая поверх одежды для защиты от дождя и холода.

¹⁸ Грибово, Мурино, Трубкино, Пестенниково, Горка, Зуево-Тюлево, Зуево — оолки современной Кевролы.

¹⁹ *Волки* — семейно-родовое прозвище проживающих в оолке Мурино.

²⁰ Семейно-родовое прозвище проживающих в оолке Трубкино — *залуны*: «Все попереж с человеком говорили, все в залупу, в занозу» (д. Кеврола, Черемная Раисья Артемьевна, 1911 г.р., уроженка д. Лавела Пинежского р-на).

²¹ *Раки* — семейно-родовое прозвище проживающих в оолке Пестенниково.

²² *Крюки* — семейно-родовое прозвище Подрезовых, проживающих в оолке Горка.

²³ В Кевроле два оолка Зуево; в этом большинство жителей носит фамилию Тюлевы.

²⁴ *Воробы* — семейно-родовое прозвище Черемных, проживающих в оолке Зуево.

Информанты

ДАК — Денисова Анастасия Клементьевна, 1907 г.р., д. Заозерье.

МАЕ — Морозова Ефимья Александровна, 1931 г.р., д. Кучкас.

КВС — Когин Василий Степанович, 1938 г.р., д. Нюхча.

КСС — Когин Степан Степанович, 1921 г.р., д. Нюхча.

ТАР — Таборская Анастасия Радомировна, 1952 г.р., д. Заозерье.

ТММ — Торицына Маланья Михайловна, 1919 г.р., д. Юбра.

РТС — Рябова Татьяна Степановна, 1959 г.р., д. Кучкас.

УАВ — Усынина Анастасия Васильевна, 1938 г.р., д. Немнюга.

С.В. ФЕДОРОВА

ДУХОВНЫЕ СТИХИ КАРЕЛИИ: ОСОБЕННОСТИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ

Территорию Республики Карелия не обошли вниманием собиратели фольклора ни в XIX, ни в XX веке. Как известно, наиболее ценным материалом, за которым снаряжались десятки экспедиций в данный регион, считались эпические фольклорные жанры. Но если тексты были и баллад Олонецкого края много издавались и плодотворно изучались, то традиция севернорусской народной духовной поэзии оставалась в тени этих жанров и до революции, и тем более в советскую эпоху. За последние полтора десятилетия мало что изменилось: большинство стихов, записанных в 1920 — 1990-е гг., не опубликовано и практически не включено в научный оборот¹; наиболее значимым исследованием, посвященным бытованию севернорусской религиозной поэзии в XX в., по-прежнему остается обстоятельная статья Ю.А. Новикова тридцатилетней давности². Между тем традиция духовных стихов, существовавшая в Олонецкой губ., по территориальному охвату, широте сюжетного состава³ и обилию зафиксированных вариантов сопоставима с былинной традицией, прославившей этот регион.

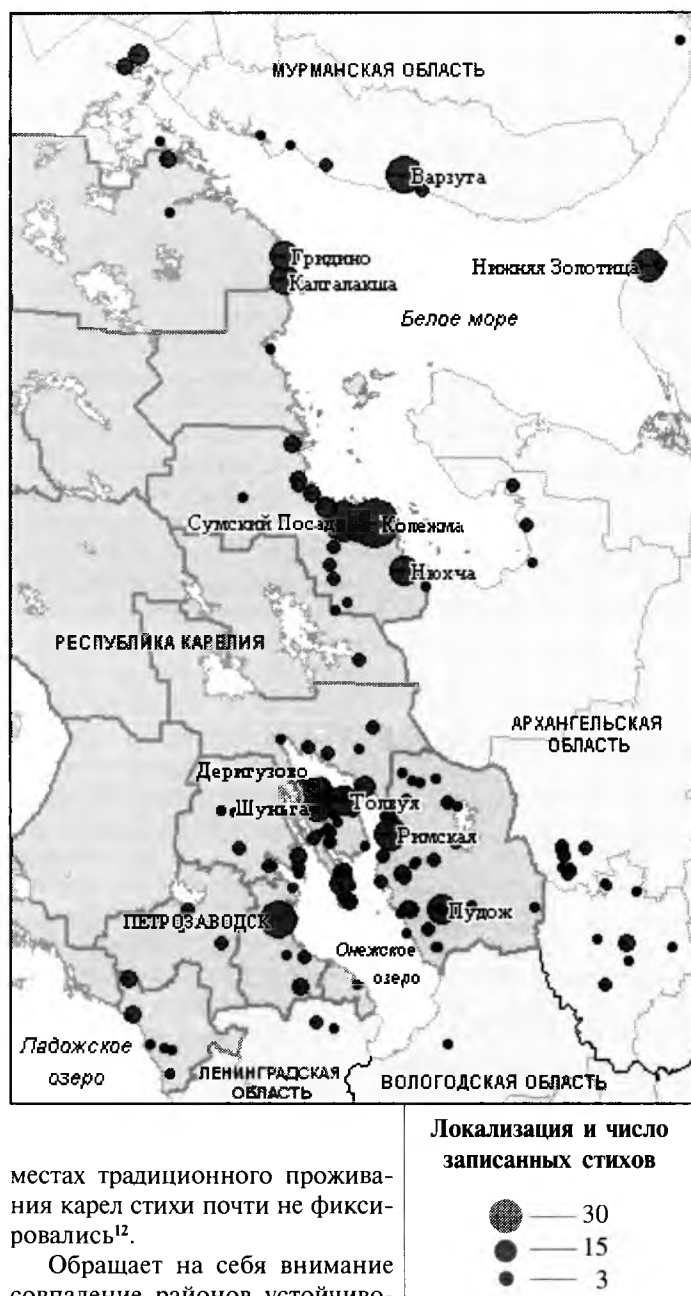
По нашим (неокончательным) подсчетам, с 1860 по 1998 г. на территории Олонецкой губ. и Поморья было записано более 850 текстов общерусских и старообрядческих духовных стихов. Это записи П.Н. Рыбникова и И. Миролюбова⁴, Е.В. Барсова⁵ и других собирателей XIX в., а также корреспондентов «Живой старины», «Олонецких губернских ведомостей» и РГО (всего более 80 текстов); тексты, зафиксированные в Поморье и Каргополье А.В. Марковым (около 100 текстов)⁶. В 1911—1932 гг. более 30 записей в Беломорском р-не было сделано собирателем-любителем И.М. Дуровым⁷. В 1920 — 1930-е гг. в Заонежье проводились экспедиции ГИИИ и ГАХН, в ходе которых было записано более 100 текстов стихов⁸. Более 200 стихов записали студенты МГУ в ходе Северных экспеди-

ций 1956, 1957, 1960, 1966 и 1968 гг.⁹ Более 20 текстов хранится в Кабинете фольклора Московской консерватории. Наконец, в Петрозаводске духовные стихи, записанные местными фольклористами и музыковедами, находятся в Архиве КарНЦ РАН (более 200 текстов), в Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН и в Петрозаводской консерватории (около 100 записей)¹⁰.

Из всего известного нам корпуса записей севернорусских духовных стихов опубликовано менее четверти текстов, причем это в основном тексты XIX — начала XX в. Большую часть записей составляют «старшие» (эпические) стихи; на долю старообрядческих сюжетов приходится около 150 вариантов, причем в устном бытовании зафиксированы далеко не все сюжеты «младших» (лиро-эпических) стихов, известных по рукописным сборникам.

На карте представлены данные о распределении вариантов стихов на территории современной Карелии¹¹. Всего отмечено более ста мест записи, которые сконцентрированы главным образом в Пудожском, Медвежьегорском, Кондопожском и Беломорском р-нах. Сведения по соседним регионам представлены очень неполно, так как мы в данный момент не обладаем всей информацией о записях духовных стихов на севере Ленинградской и Вологодской областей и на западе Архангельской обл. (то есть в бывших Лодейнопольском, Вытегорском и Каргопольском уездах Олонецкой губ.). На карту нанесены названия только тех населенных пунктов, в которых запись стихов производилась многократно и где было выявлено наиболее устойчивое бытование народной духовной поэзии (исключение составляет г. Петрозаводск: к его точке на карте отнесены тексты из Петрозаводского уезда Олонецкой губ., в которых не указано точное место записи).

Первый, очевидный вывод, который позволяет сделать картографирование стихов — это то, что территория их распространения практически совпадает с районами расселения русских, потомков новгородских переселенцев. В

местах традиционного проживания карел стихи почти не фиксировались¹².

Обращает на себя внимание совпадение районов устойчивого бытования духовной поэзии с территорией распространения былин и баллад. Все эти эпические жанры записывались не только в одних и тех же населенных пунктах, но и нередко от тех же самых исполнителей (вернее, исполнительниц, ибо подавляющее большинство стихов записано от женщин). Эту особенность отмечал еще А.Ф. Гильфердинг¹³, и материалы XX в. ее полностью подтверждают.

Если былинная традиция Русского Севера неоднородна и подразделяется на сказительские школы, то в эпической духовной поэзии Карелии локальные отличия далеко не столь значительны. Наиболее популярные стихи, представляющие собою, так сказать, «ядро традиции» и составляющие приблизительно две трети известных нам вариантов, — стихи об Алексее человеке Божием, о двух братьях Лазарях, о Вознесении, о сне Богородицы, о муках Егория и о Егории и царевне — известны в большей или меньшей степени и в Карельском Поморье, и в Прионежье, и в Заонежье, и в Пудожском р-не.

Единственный сюжет, присутствующий в наших материалах в нескольких самостоятельных версиях — это стих о муках Егория¹⁴. В других популярных сюжетах можно выявить лишь локальные разработки некоторых мотивов. В целом же, как последовательность мотивов, так и их формульное оснащение в севернорусских духовных стихах значительно более стабильны, чем в былинах. Это может объясняться тем, что стихи обычно (особенно в Заонежье и в Пудожском р-не) пелись хором, а не сольно; кроме того, обычно исполнители и слушатели относились к «божественным» песням с пиететом, исключавшим сознательное изменение текста. Книжная старообрядческая традиция духовной поэзии, активно развивавшаяся в Олонецкой губ. в XVIII—XIX вв., вряд ли оказывала какое-либо влияние на сохранность и стабильность устных текстов, так как сюжетный состав ее был совершенно иной. Единственный фольклорный стих, регулярно встречающийся в стиховниках севернорусского происхождения, — «Алексей человек Божий» — как раз-таки отличается, по нашим наблюдениям, повышенной вариативностью, что может быть связано с его популярностью у приверженцев как старого, так и нового обряда.

Вопрос о территориальном соотношении общерусских и старообрядческих сюжетов требует дополнительного исследования. В записях собирателей крайне редко фиксируется конфессиональная принадлежность исполнителей, но известно, что наиболее популярные старообрядческие сюжеты («Умоляла мать родная» и др.) были распространены и среди православного населения. Можно предполагать, что многочисленные (более 50) сюжеты «младших» духовных стихов, широко известные в рукописной традиции и зафиксированные собирателями фольклора лишь дважды или трижды, записаны от приверженцев старой веры и им сочувствующих. Распределение данных сюжетов совпадает с районами расселения беспоповцев (в основном даниловского согласия) на Русском Севере. Подобные тексты преобладают в записях Поморского и Терского берегов Белого моря; в этих районах зафиксировано больше всего старообрядческих сюжетов. Единичные старообрядческие тексты зафиксированы в Заонежье (в Шуньском приходе), где в начале XX в. укрывались странники¹⁵.

Известно, что олонецкие старообрядцы пели и общерусские духовные стихи. Однако если сравнить карту расселения старообрядцев Олонецкой губ.¹⁶ с нашей картой, то совпадения наблюдаются далеко не во всех точках; особенно заметны отличия в Пудожском р-не. Почти во всех населенных пунктах, названия которых отмечены на нашей карте (кроме Деригузovo и Римской), в XIX — начале XX в. жили старообрядцы, но нигде в Карелии, кроме некоторых сел Беломорского р-на, старообрядческое население не было преобладающим. Хотя влияние староверов на религиозную жизнь сельского населения Русского Севера является неоспоримым фактом, едва ли своеобразие распределения общерусских стихов на территории Карелии можно объяснять наличием в данной местности поселений староверов.

Наконец, можно отметить и еще один фактор, влиявший на традицию народной духовной поэзии. Районы, прилегающие к Онежскому озеру, и побережье Онежской губы Белого моря — это территория, которая до революции ежегодно посещалась бродячими исполнителями духовных стихов, каликами перехожими, приходившими из Каргополя. Исполнительницы из Медвежьегорского, Пудожского и Беломорского р-нов, певшие стихи собирателям во второй

по половине XX в., вспоминали о каликах, от которых они сами, их родственники или односельчане перенимали стихи. Вероятно, странствия нищих певцов (по крайней мере, в конце XIX — начале XX в.) не столько способствовали распространению стихов на новых территориях, сколько поддерживали сохранность существовавшей традиции и стабильность ее текстов. Стихи от калик перенимались именно в тех районах, где существовал обычай петь стихи за вышиванием и прячением на «старушечьих беседах», посиделках во время поста, в которых могли участвовать как девушки, так и замужние женщины среднего и старшего возраста. На «посидках» стихи исполнялись в основном замужними женщинами старшего возраста, и именно эта категория исполнительниц активнее всего перенимала новые сюжеты у нищих певцов.

Вероятно, духовные стихи на территории Карелии были зафиксированы далеко не во всех деревнях и селах, где они действительно бытовали. Однако распределение существующих записей представляется весьма показательным. Духовные стихи во второй половине XIX — XX в. сохранялись в местах бытования развитой эпической традиции. Именно это, на наш взгляд, лучше всего объясняет особенности географического распределения эпических духовных стихов на территории Карелии и побережья Белого моря. «Младшие» стихи записаны в основном в районах старообрядческих поселений. На сохранение в XX в. народной религиозной поэзии в тех же районах могли оказывать влияние и другие причины (странствия калик переходящих, обычай петь стихи за работой на «посидках» во время поста).

Примечания

¹ Наиболее значительной публикацией записей духовных стихов указанного периода является подборка из 24 текстов, хранящихся в Рукописном отделе ИРЛИ РАН, см.: Духовные стихи Обонежья (По материалам экспедиций 1926—1932 гг.) / Публикация Л.И. Петровой // Из истории русской фольклористики: Сб. науч. тр. СПб., 1998. Вып. 4—5. С. 439—491.

² Новиков Ю.А. К вопросу об эволюции духовных стихов // Русский фольклор: Материалы и исследования. Л., 1971. Т. 12. С. 208—220.

³ Об основных сюжетах севернорусских духовных стихов см.: Федорова С.В. Духовные стихи в фольклорных коллекциях Архива КарНЦ РАН // Локальные традиции в

народной культуре Русского Севера (Материалы 4 Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения—2003»). Петрозаводск, 2003. С. 127—129.

⁴ См.: Бессонов П.А. Калеки переходящие. М., 1861—1864. Вып. 1—6.

⁵ Барсов Е.В. Из обычаев обонежского народа // Олонецкие губернские ведомости. 1867. № 11—14; Памятники народного творчества в Олонецкой губернии Е.В. Барсова // Записки Императорского Русского Географического Общества по отделению этнографии. СПб., 1873. Т. 3. С. 597—609.

⁶ См.: Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А.В. Маркова. СПб., 2002. Неопубликованные записи А.В. Маркова хранятся в Отделе рукописей РГБ (ф. 160, папки № 11, 14, 16).

⁷ Хранятся в Архиве Карельского научного центра РАН (колл. 27, 28).

⁸ Соколов Ю.М. По следам Рыбникова и Гильфердинга // Художественный фольклор: Орган фольклорной подсекции литературной секции ГАН. М., 1927. Вып. 2/3. С. 3—33.

⁹ Хранятся в архиве Кафедры РУНТ МГУ.

¹⁰ Выражаю глубокую признательность С.Е. Никитиной, передавшей для данного исследования записи заонежских духовных стихов из личного архива.

¹¹ Карта духовных стихов была составлена при содействии Отдела географических информационных систем ПетрГУ. Названия населенных пунктов и границы районов указаны в соответствии с современным административным делением Карелии.

¹² В наших материалах присутствует несколько текстов стихов, записанных от карел Олонецкого р-на, на русском и карельском языках; известна также одна запись стиха на вепском языке. Вторичность этих текстов по отношению к русской традиции бесспорна.

¹³ Гильфердинг А.Ф. Онежские былины, записанные Гильфердингом летом 1871 г. М.—Л., 1949. Т. 1. С. 42.

¹⁴ О различиях между севернорусскими версиями данного стиха см.: Хлыбова Т.В. Стихи о святом Георгии-Егории (семантика, структура, тематическая детализация) и некоторые вопросы истории текста: Автореф. дис... канд. филол. наук / МГУ. М., 1994. С. 18—19; Хлыбова Т.В. Духовные стихи о Егории Храбром из собрания А.В. Маркова // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы 4 Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения—2003»). Петрозаводск, 2003. С. 130—133.

¹⁵ Преображенский М. К освещению страннической секты в Олонецкой губернии. История странничества в Шунгском приходе Повенецкого уезда // Олонецкая неделя. 1913. № 39—41.

¹⁶ См.: Ружинская И.Н. Старообрядчество Олонецкой губернии в конце XVIII — середине XIX века: численность, расселение и состав: Дис... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2002.

О.Н. ФИЛИЧЕВА ОККУПАЦИЯ В РАССКАЗАХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ИЗ БЕЛОРУССИИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ

(по материалам экспедиций
2001—2003 гг.)

на Карельский перешеек
и в Приладожскую Карелию)

В середине XX в. финская территория — Карельский перешеек и Приладожская Карелия — дважды становилась частью Советского Союза, что каждый раз сопровождалось заселением ее русскоязычным населением. В первый раз — в 1940 г. после так называемой Белофинской войны¹, второй раз — в 1944 г., в ходе Второй мировой войны. В 1942 г. после отступления советских войск коренное население — финны смогли вернуться в свои дома. В 1944 г. они были вынуждены вновь их покинуть, после того как 19 сентября 1944 г. была завершена война Советского Союза с Финляндией, и Карельский перешеек вместе с Приладожской Карелией снова отошли СССР.

В советский период власть проводила внутреннюю миграционную политику, в результате которой из одного района в другой перевозили целые колхозы. Для освоения вновь приобретенной территории в 1940-е гг. в Карелию были перевезены несколько колхозов из Чувашской ССР, а также из Вологодской обл., где в связи со строительством Рыбинского водохранилища была затоплена часть деревень. Кроме того, проводилась вербовка людей из районов Белоруссии и Центральной России, которые были разорены во время Великой Отечественной войны. Дело в том, что на Карельском перешейке и в Приладожской Карелии условия для проживания были несопоставимо лучше, чем в большинстве районов СССР: после финнов остались дома, зачастую с мебелью, хозяйствен-

ОКСАНА НИКОЛАЕВНА ФИЛИЧЕВА,
соискатель Европейского университета в
Санкт-Петербурге